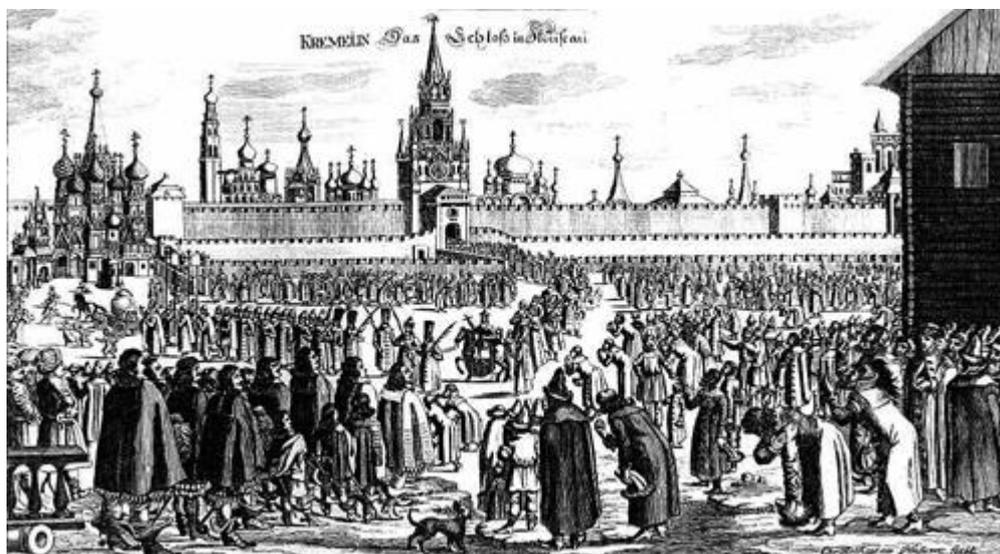

Француз в «стране варваров»

Московия в 1689 г.

Долгое время считали, что Де ла Невилль — лицо вымышленное, а не реальный исторический персонаж. Сейчас доказано, что это не так, хотя и сам Де ла Невилль приложил к этому руку: в предисловии к книге «Любопытные и новые известия о Московии» он рассказывает о том, как он выдавал себя в Москве за польского посланника, целью которого было определение позиции России в отношении к Швеции и Бранденбургу. Он действительно был информатором польского короля и одновременно осведомителем Людовика XIV. Но это — не вся правда о Де ла Невилле. Второе (или третье дно) этого господина состояло в том, что он был иезуитом, тесно связанным с руководством своего Ордена. Именно туда поступала вся конфиденциальная информация о Московском государстве. Принадлежность Де ла Невилля к Ордену иезуитов давала ему возможность пользоваться в Москве такими источниками информации, которые были недоступны простым смертным, и даже дипломатам. К информаторам Невилля принадлежали не только члены дипломатических миссий и жители Немецкой слободы, но и некоторые иностранцы на службе у московских властей (например, Патрик Гордон и генерал Менезиус). Поэтому записки Де ла Невилля очень ценны при изучении истории России 1680—1690 гг.

Король польский почтил меня званием посланника своего в Московию 1 июля 1689 г., и 19-го того же месяца я отправился из Варшавы смоленскою дорогою, так как дорога на Киев, хотя и ближайшая, была тогда подвержена набегам татар. Как только губернатор Смоленской области, человек по образованию нисколько не походящий на москвитянина, услышал, что я выехал и приближаюсь к Смоленску, он прислал пристава или дворянина, с переводчиком,

Приём посольства. Рисунок к книге А.Мейерберга

встретить меня; они приветствовали меня за полмили от города и препроводили в предместье на другой берег Днепра, временно в какой-то дом, до назначения губернатором другого местопребывания. Один из них отправился уведомить его о моём приезде, и он прислал поздравить меня, приложив при этом разные припасы, как-то: небольшой бочонок водки, другой — вина, третий — мёду, несколько дичи, двух баранов, воз рыбы и овса. Он предлагал мне выбрать дом для житья в городе или предместье, но я остановился на последнем, так как в предместье ворот не было, городские же ворота рано запирались.

На другой день я посетил губернатора в его дворце, где встретил митрополита и нескольких почётных лиц. О Смоленске я ничего не могу сказать. Строение в нём, как и в других русских городах, деревянное; он окружён каменною стеною для защиты от нападения поляков. Желая почтить меня или, скорее, стараясь придать себе более важности, губернатор собрал 6000 человек милиции, которую при таких случаях набирают из крестьян, разделяя их на полки и выдавая им на это время довольно чистую одежду; царь платит сей милиции по четыре эку и по осьмине соли в год. Каждый мальчик шести лет уже вносится в роспись и получает жалованье, так что вы видите тут и стариков и мальчиков, так как милицейские обязаны служить до смерти. Я проехал между этими красивыми воинами, поставленными в два ряда от моей квартиры до губернаторского дома, в моей коляске, сопровождаемой верхом подстаростой могилёвским, королевским чиновником, которому с двенадцатью офицерами тамошнего гарнизона приказано было сопровождать меня до Смоленска.

Едва губернатор завидел поезд мой, как вышел ко мне навстречу и повёл в комнаты. Там после нескольких приветствий, произнесённых стоя, причём переводчиком был генерал-майор Менезиус, шотландец, знаток всех европейских языков, губернатор велел принести большие чаши с водкой, и мы пили за здоровье короля и царей. Потом мы распростились, и губернатор проводил меня на крыльцо, стоя там, пока я не сел в коляску. Мы возвратились прежним порядком, но дома я застал у себя генерала Менезиуса, которому губернатор приказал быть моим собеседником, пока я пробуду в Смоленске; я был приятно удивлён, найдя человека его достоинств в варварской стране, ибо кроме знания языков, которыми генерал владел превосходно, он был всесторонне образован, и приключения его заслуживают описания. Обозрев большую и лучшую часть Европы, он поехал в

Польшу, предполагая оттуда возвратиться в Шотландию. Но в Польше он завязал интригу с женою одного литовского полковника. Муж приревновал, заметив частые посещения гостя, и велел слугам умертвить его. Полковница уведомила о том своего друга, который и успел таким образом вовремя принять меры; он вызвал мужа на дуэль, убил его, принуждён был бежать и попался, сбившись с пути, в руки москвитян, воевавших тогда с Польшею. Сначала с ним обходились как с военнопленным, но когда узнали причину его бегства, то предложили либо служить в царских войсках, либо отправляться в Сибирь. Он соглашался лучше на последнее, благодаря своей склонности к путешествиям, но отец нынешних царей пожелал лично видеть его, нашёл в нём приятного человека, принял его ко двору и дал ему 60 крестьян (каждый крестьянин приносит в России помещику около восьми экю в год); потом он женился на вдове некоего Марселеса, который был первым основателем железных заводов в Московии, приносящих ныне царям ежегодно дохода до 100 тыс. экю. Не сомневаясь более в его верности, царь послал его в Рим в 1672 г. сделать папе Клименту предложение относительно соединения русской и латинской церковей на некоторых условиях. Возвратясь без успеха, он был произведён в генерал-майоры, и через некоторое время царь Алексей Михайлович, незадолго до своей кончины, назначил его гувернёром к своему сыну, юному принцу Петру, с которым он и занимался до начала царствования Ивана, когда принцесса София и князь Голицын (имеется в виду боярин князь В.В.Голицын, фаворит Софьи Алексеевны. — *Ред.*), недовольные тем, что он изъявил ревность свою к Петру, послали его в Смоленск принять участие в последнем походе, в надежде, что он там погибнет. Но такая немилость была впоследствии источником его благополучия, так как, подружившись здесь с дедом Петра со стороны матери, простым полковником смоленского гарнизона, он был взят им в Москву, как только внук его сделался властителем столицы.

Царь Иоанн V

Цари Иоанн V и Пётр I

И тут он меня нередко дружественно принимал и угощал вместе с Нарышкиными, отцом и сыном (Кирилл Полуектович, дед Петра I, и его сын Лев Кириллович, дядя Петра. — *Ред.*). Первый министр, узнав, что я прибыл в Смоленск, главный город области этого имени, которую король польский уступил царям по трактату 1686 г., прислал указ губернатору препроводить меня обыкновенным образом в столицу, что значит двор-город, который ошибочно называем мы Москва, потому что Москва есть только имя реки, там протекающей. Моё путешествие началось 20

августа; меня сопровождали пристав, капитан и шесть солдат. Первое доказательство храбрости этих господ я увидел, проезжая через лес, простирающийся лье на двадцать, в котором совершенно нет жилья. Тут мы должны были переночевать, пустивши лошадей пастись. Ночью поднялась жестокая буря: лошади разбежались из нашего табора, как называют здесь загородку, устроенную из телег, и ушли в лес. Я просил офицера послать наших провожатых ловить лошадей, а другим велеть между тем нарубить, в пятидесяти шагах от нас, дров для разведения огня; но офицер и солдаты единогласно сказали, что они и за сто червонцев не отойдут от табора, так как лет семь тому назад некоторые из их товарищей, при подобном же случае, были именно здесь в лесу убиты. Так простояли мы до утра, пока лошади по свистку этих трусов, который они пускают в ход взамен кнута, пришли в табор сами.

Отсюда продолжали мы путешествие и прибыли наконец в предместье столицы, отделяемое от города рекою Москвою, которую здесь переходят вброд. Тут офицер оставил меня в каком-то доме и просил подождать, пока он съездит к первому министру [Василию Голицыну] и уведомит его о моём приезде. Через два часа он воротился с приказом министра перевезти меня через реку и препроводить в назначенный для меня дом. Сюда явился пристав Спафарий приветствовать меня от имени первого министра, сказать, что он определён ко мне, что, согласно здешнему обычаю, офицер и шесть солдат останутся для моего охранения и что им велено строго наблюдать, чтобы никто не приходил ко мне и не видался со мною в течение недели.

По прошествии этого срока князь Голицын приказал позвать меня в приказ — обширное здание, состоящее из четырёх огромных корпусов и выстроенное князем Голицыным. В нём находится несколько палат, из которых каждая предназначена для особого совещания. Совещания эти до вступления Голицына в министерство происходили в ригах. Я увидел министра, сидящего со многими боярами по сторонам, в конце большого стола. Он велел подать мне кресла, и, когда я сел, переводчик спросил у меня по-латыни о моих письмах. Я представил министру письма, посланные со мною к нему от литовского великого канцлера, в которых он уведомлял его, что я послан в Московию по делам его величества короля польского, вручившего мне особую грамоту к царям. Министр отвечал мне, что переговорит с царём Иваном, который один находится в столице, и надеется, что мне вскоре назначат аудиенцию. Потом, по обыкновению, спросил он меня о здоровье канцлера, не дерзая из почтения спросить о здоровье короля. После этого я встал, чтобы удалиться, министр также встал, желая мне вскоре удостоиться счастья видеть царя. Через несколько дней потом я послал из вежливости попросить у него свидания в его доме, где и приняли меня не хуже, чем при дворе какого-нибудь итальянского князя. Разговаривая со мною по-латыни о делах европейских и спрашивая моего мнения о войне, начатой против Франции императором и союзными князьями, и особенно о революции в Англии, министр потчевал меня всякими сортами крепких напитков и вин, в то же время говоря мне с величайшею ласковостью, что я могу и не пить их. Он обещал доставить мне аудиенцию через несколько дней и, конечно, исполнил бы своё обещание, если бы не впал в немилость, каковое обстоятельство до такой степени изменило порядок вещей, что были пущены в ход оружие и огонь, и если бы не смелое и счастливое вмешательство царя Петра, приказавшего схватить главных представителей партии царевны Софии, то разгорелся бы бунт, подобный тем, о которых мы уже упоминали.

Князь Б.Голицын

Прошло времени недель шесть, и, будучи всё ещё в неведении относительно того, к кому мне отнестись, я решился писать к молодому Голицыну, любимцу царя Петра (князь Б.А.Голицын, дядька-воспитатель Петра I. — *Ред.*), изъявляя ему моё удивление, что мне не дают никакого ответа касательно моей аудиенции и грамот, которые должен я вручить. Он извинялся, слагая вину на смятения, бывшие в последнее время, и уверил меня, что царь скоро приедет в столицу, что и случилось действительно 1 ноября. Едва услышал я об его прибытии, как послал к его любимцу просить аудиенции. При посещении его он не беседовал со мною так, как его родственник, но только угощал меня водкою и всё время свидания с ним прошло в питье. Я мог узнать при этом от него, этого пьяницы, только то, что аудиенцию дадут мне через три дня, после чего могу я ехать, если мне будет угодно. Но до истечения назначенного срока и этот Голицын впал в немилость, и я принуждён был принять другие меры.

Должность думного дьяка, или государственного секретаря иностранных дел, была тогда временно отдана некоему Емельяну (думный дьяк Е.И. Украинцев — выдающийся русский дипломат, посланник в Швеции, Дании, Голландии, посол в Турции. — *Ред.*); имя это значит по-славянски когти, или лапу, и очень кстати было ему, ибо он прежадный до корысти и загребает где только может. Хотя он был одною из креатур великого Голицына и всем своим счастьем был обязан ему, бывши первоначально простым писарем, но он первый однако ж стал чернить своего благодетеля. Оскорбившись на меня за то, что я за разрешением мне отъезда обратился не к нему, а к любимцу царя Петра — Голицыну [Борису], Емельян, как только этот Голицын впал в немилость, отказался исполнить приказание, данное ему насчёт меня Голицыным от имени царя Петра, коим мне предоставлено было либо дожидаться аудиенции до Крещения, либо уехать, следуя приказанию короля польского, опасавшегося за последствия этих смятений. Емельян успел извернуться перед царём, уверивши его, что меня надобно задержать на некоторое время, ибо король польский прислал будто бы меня вести переговоры с бывшим первым министром и уверить принцессу Софию и Голицына в его покровительстве. Доказательством своего мнения он приводил то, что, вопреки обыкновению, соблюдаемому в Московии, и противно обязанностям моего звания, я многократно бывал, как частный человек, у князя Голицына. Узнавши о хитростях Емельяна, я решился прибегнуть к верному средству, а именно: предложить ему под рукою сотню червонцев, и вместо того, чтобы послать к нему деньги, как уговорились с

ним, я решился сам поехать к нему и заплатить ему взятку лично. Приятель мой Артамонович (граф Андрей Артамонович Матвеев, сын А.С.Матвеева, дипломат, любимец Петра I. — *Ред.*), которому я рассказал о моём деле, нарочно пришёл к Емельяну в то время, в которое он назначил принять меня, и я сурово объяснился с Емельяном в его присутствии, ибо я успел уже ознакомиться с характером москвитян, незнакомых с правилами вежливости. Чтобы достигнуть каких-либо результатов, с ними не должно обращаться учтиво и ещё менее пускать в ход просьбы, так как такое обращение вызывает с их стороны презрение; напротив, для достижения своей цели следует говорить с ними гордо и внушительно. Я сказал, что в лице моём нарушены все народные права; что король весьма ошибся, когда посылал меня и уверил, что ныне москвитяне уже не варвары; я сказал, что мне так тяжело быть у них, что я готов купить за деньги разрешение уехать, но, будучи посланником великого государя, соседа и союзника царского, мне остаётся только сообщить ему, что мне препятствуют исполнить его приказание, и, не испросив себе аудиенции, возвратиться к его двору.

**Крестный ход на Красной площади.
Гравюра второй половины XVIII в.**

Когда всё это было сказано мною по-латыни и Артамонович перевёл слова мои Емельяну, мы выпили несколько чарок водки и вина за царское здоровье и я простился с ним, приказавши одному из польских дворян отдать обещанные сто червонцев, присовокупляя, что они предназначаются якобы для его секретаря. Емельян не осмелился принять эти деньги, вследствие чего я повсюду восхвалял его великодушие, зная, что только этим путём я могу получить право уехать (вообще говоря, этот эпизод неправдоподобен; нет никаких данных, что Украинцев брал взятки, напротив, он славился твёрдостью и принципиальностью на фоне всеобщего московитского взяткодательства. — *Ред.*).

Между тем Пётр снова призвал ко двору Голицына [Бориса], и я поспешил посетить его и вместе с ним порадоваться его возвращению. Он сказал мне, что весьма удивляется, каким образом Емельян мог остановить моё дело, о котором уже было приказано до удаления его, Голицына, от двора, что он будет жаловаться о том царю, который считал меня уже отбывшим, и что он берёт на себя доставить мне честь целовать царскую руку.

Через два дня явились ко мне два дворянина, царские спальники, что меня приятно поразило. Впрочем, эти чиновники люди незначительные и живут небольшим жалованьем, получаемым от царя, ливров по 200 в год. После обыкновенного обряда, состоявшего в том, что они, осеняя себя несметное количество раз крестным знаменем, молились перед образом Богоматери, всегда находящимся в углу каждой комнаты, они приветствовали меня от царского имени и спрашивали о моём здоровье. Я отвечал чарками водки в большом избытке. После чего они сказали мне, что царю угодно видеть меня, дать мне подарки, заплатить мне все издержки со времени приезда до отбытия моего и что он посылает мне свой царский обед. Я отвечал, что донесу королю обо всех почестях, каких меня удостоят, что я и исполнил в точности. Присланный ко мне царский обед состоял из огромного куска копчёного мяса, в 40 фунтов весом, многих рыбных блюд, приготовленных на ореховом масле, половину свиной туши, непечённых пирогов с мясом, чесноком и шафраном и трёх огромных бутылей с водкою, вином и мёдом; по исчислению присланного можно понять, что обед был мне важен как почёт, а не как угощение.

На другой день известил меня один дворянин, что на завтра назначена мне аудиенция, но вместо аудиенции опять прислали сказать мне, что цари уехали на богомолье и я не могу видеть их до возвращения. Я отправился к [Борису] Голицыну и застал у него Артамоновича. Они спрашивали, как показался мне царский обед. Я отвечал, что, к несчастью, французские повара до того испортили мой вкус, что я не могу оценить русских лакомых блюд. Тут они выразили желание отведать французского стола, и я пригласил их на следующий день откусать у меня; они охотно согласились, с условием, что у меня будут только знакомые им люди, выбор которых я и предоставил им; они пригласили датского резидента и кое-кого из иностранных купцов, к которым они ходили пить с целью сберечь своё вино.

Оба гостя мои были чрезвычайно довольны моим столом, так что послали даже некоторые из блюд к своим жёнам и без дальних церемоний забрали с собой все сухие фрукты, уверяя, что в жизнь свою не случилось им так хорошо пообедать, но чтоб я не надеялся на такое угощение у них. Через три дня потом Артамонович пригласил меня к себе и угостил довольно прилично. Накануне начался у русских пост, а потому обед наш состоял из рыбы, доставляемой в Москву в садках с Волги и с Каспийского моря. Желая почтить меня особенно, хозяин привёл свою жену, которую мне представил; я приветствовал её на французский лад, а она выпила за моё здоровье чарку водки и предложила мне последнюю, приглашая сделать то же самое. Кажется, она единственная женщина в Московии, которая не белится и не румянится, будучи и без того довольно красива собою.

Князь Голицын хотел было также пировать с нами, но царь Пётр прислал за ним поутру, и мы удовольствовались тем, что только пили за его здоровье и здоровье других и погуляли без него до полуночи. Гости были те же самые, что и у меня. Артамонович — человек молодой, но весьма умён, говорит хорошо по-латыни, любит читать, слушает с удовольствием рассказы об Европе и питает особое расположение к иностранцам. Я советовал ему учиться французскому языку, уверяя его, что, будучи только двадцати двух лет от роду, он легко может выучиться и тем удовлетворить свою страсть к чтению, так как все лучшие, древние и новые писатели переведены на французский язык. Он сын Артамона, литовского уроженца, а мать его была шотландка, латинскому языку выучился он у поляка, которому разрешено было ехать с его отцом в ссылку. Эта немилость

постигла его при царе Фёдоре, у которого Артамон был первым министром. После кончины этого государя они оба были возвращены, но Артамонович испытал новое ужасное несчастье — видел, как в глазах его был зарезан его отец вскоре по возвращении из ссылки, во время бунта Хованского.

Цари возвратились с богомолья, но три дня прошло, и я ничего не слышал от них, почему я и послал узнать у молодого Голицына, чего должно мне ещё ожидать? Он отвечал, что в совете положено отсрочить мою аудиенцию до Крещения, но я волен дожидаться сей чести или ехать, ибо всё готово к моему отбытию. Такая перемена чрезвычайно удивила меня, если бы я не узнал от датского комиссара, что Нарышкины считают себя оскорблёнными, почему я не посетил их, и досадуют на то, почему я угощал Голицына, который опять начинал приходить в немилость у царя; потому, по их интригам с Емельяном, царь, назло Голицыну, переменял решение, на которое склонил было его в отношении меня его любимец. С радостью принял я разрешение уехать, тем более что все поручения, для которых я приехал в эту страну, были мною исполнены и меня мало занимала обещанная аудиенция, а ещё менее того честь, которую думали мне оказать, показав мне царей. К тому же поступки этих варваров мне опротивели и мне было крайне неприятно быть невольным свидетелем всех смятений и раздоров, имевших там место и заставивших меня сидеть взаперти в обществе одного только моего пристава. Правда, он был человек умный и приятный собеседник и значительно сократил бы мне скуку моего одиночества, если бы был откровеннее и, как вполне понятно, не был связан страхом, препятствовавшим ему сообщить мне много любопытных данных касательно особенностей этого двора, так-таки и не дошедших до меня и, к сожалению, не попавших в мой рассказ. Через него я известил русских министров о решении моём уехать, и через два дня, т.е. 16 декабря, отправился в обратный путь с прежнею свитою и провожатыми.

20 [декабря] утром я прибыл в Смоленск, немедленно засвидетельствовал моё почтение палатину, который осыпал меня приветствиями, и отсюда продолжал путь мой с прежними приставам, переводчиком и солдатами до Кадина, потом до Вильны и до Варшавы, куда прибыл 3 января 1690 г. Причина, почему я так скоро совершил моё путешествие, была та, что зима есть лучшее время для езды по Московии, самой низкой стране из всей Европы и потому весьма болотистой, так что иногда летом едва можно в день проехать четыре или пять лье; случается, что надобно бывает рубить лес и делать гати через болота и мосты через небольшие потоки; гати, намощённые бревёшками, простираются в иных местах на 10, на 12 лье и, устроенные плохо, часто бывают непроходимы. Зимой, напротив, едете в санях, где можете спокойно лежать, как будто в постели, и вас везде мчит лошадь по гладкому снегу. Обыкновенно ездят на собственных лошадях днём и ночью, часов по 16 в сутки, легко проезжая немецкую милю в час.

Нравы и религия москвитян

[...] Мужчины и женщины ходят вместе в одну баню, которая обыкновенно ставится на берегу реки для того, чтобы, кто не стерпит жара, мог бы идти и бросаться прямо в холодную воду, что они проделывают одинаково и зимой и летом. Хотя москвитяне очень крепкого сложения, но к холоду они чувствительнее, чем поляки. Пища и питьё у них самые грубые; обыкновенная пища состоит из огурцов и астраханских дынь, которые они мочат на зиму, заквашивают и солят. [...] Мужчины одеваются почти так же, как поляки. Богатые носят зимою платья из голландского сукна, с дорогим меховым подбоем; шапки украшают драгоценными

каменьями — те, кто может,— или же вынуждают жемчугом, которого в этой стране очень много. Летом же одеваются в платья из персидских и китайских шёлковых тканей.

Женщины одеты по-турецки. Самая беднейшая старается сделать себе шапку из персидского сукна, сообразно со средствами, более или менее дорогого. Богатые вынуждают свои шапки жемчугом или драгоценными каменьями. Зимние женские платья, или кафтаны, делаются из золотой парчи, подбитой куницами; летом — из китайских тканей. Под своим головным убором москвитянки тщательно прячут волосы. Ходят они с большим трудом, так как башмаки их сделаны на манер сандалий и в то же время — в форме туфель, которые слишком широко сидят на ноге. Безрассудство женщин доходит до того, что они красят себе лицо, бреют брови, места коих раскрашивают в разнообразные цвета. Москвитяне любят ходить пешком и очень быстро шагают. Экипажи у них самые жалкие, и большая часть москвитян ездят по городу верхом, на плохих лошадях, предшествуемые слугами, бегущими впереди с непокрытой головою. Зимой лошадёнку запрягают в сани — единственный их экипаж. Женщины ездят в дурных экипажах — колясках вроде паланкина, обыкновенно запряжённых в одну лошадь. Садится их в такую повозку пять-шесть, как будто в ящик, потому что скамеек внутри нет. Хотя в Москве находится до 500, даже, может быть, до 600 тысяч жителей, но в ней нет и трёхсот таких колясок, но зато имеется с тысячу маленьких тележек, запряжённых в одну лошадь, для перевозки публики, за небольшую плату, с одного места на другое. Имеется в Москве также несколько колясок вроде французских, которые более богатые люди выписали из Голландии и Данцига. Царские кареты все очень старые; причина этому та, что они сами таковых не покупают, так как надеются получить их в подарок от иностранных государей или посланников. Лучшие, которые они имеют, делаются, по обычаю страны, с дверцами или же в форме паланкинов. Сани царские — великолепны. Те, которые открыты, делаются из золочёного дерева и обиваются внутри бархатом и широкими галунами. Их запрягают в шесть лошадей, шлеи которых украшены таким же бархатом. Те сани, которые закрыты, делаются в виде карет, со стёклами, снаружи обиваются красным сукном, внутри же — соболями. В таких санях можно лежать и спать во время переездов, которые, ввиду такого удобства, москвитяне совершают зимою и ночью.

Когда цари выезжают за город, то вместо саней и колясок употребляют обыкновенные простые экипажи. В окрестностях Москвы цари имеют несколько деревянных домов, которые несправедливо называются «увеселительными», так как в них нет садов, а просто они окружены стенами — из опасения, чтобы не разорили их поляки или татары, которые нападали на Москву, что часто случалось ещё лет за пятьдесят, не более, тому назад.

Пётр весьма высок ростом, хорошо сложен и довольно красив лицом. Глаза у него довольно большие, но блуждающие, вследствие чего бывает неприятно на него смотреть. Несмотря на то, что ему только 20 лет, голова у него постоянно трясётся. Любимая его забава заключается в натравливании своих любимцев друг на друга, и весьма нередко один убивает другого из желания войти к царю в милость. Зимой он велит вырубать огромные проруби во льду и заставляет самых толстых бояр проезжать по ним в санях. Так как молодой лёд оказывается непрочным, то они проваливаются в воду и нередко тонут. Любит он также звонить в большой колокол, но самая главная страсть его — любоваться пожарами, которые весьма часто случаются в Москве. Москвитяне не берут на себя труда тушить их, пока огонь не истребит 400 или 500 домов. Правда, что и убытка тут бывает большею

частью немного, потому что дома москвитян не лучше свиных хлебов во Франции и в Германии; их продают на рынке совсем готовыми. В 1688 г. сгорело в Москве 3000 домов, и в прошлом году в продолжение четырёх месяцев я видел три пожара, каждый из которых истребил по малой мере 500—600 домов. Пожары чаще всего происходят от пьянства и неосторожного обращения с огнём, так как они никогда не тушат свечей, горящих в их комнатах перед иконами.

Посту предшествует у них карнавал, который продолжается столько же дней, сколько и самый пост. [...]

Едят москвитяне так много, что после обеда они вынуждены спать часа три и тотчас после ужина ложиться спать. Зато они встают весьма рано. Даже и в походах каждый солдат, не исключая и стражи, непременно спит после обеда. Летом, в полдень, они совершенно раздеваются, купаются и спят в таком виде. Дождя они не любят, и дождь идёт у них редко. Они носят шапки, и при встрече с приятелем каждый крестится, после чего они жмут друг другу руку. [...]

Вера у москвитян греческая, но её можно назвать архисхизматической, ибо она изобилует ужасными суевериями, созданными их невежеством, так что москвитян можно назвать полуидолопоклонниками. Хотя у них и сохранилось духовенство, но уважение, оказываемое ему, чисто внешнее. Вне церкви они не задумываются оскорблять священников и монахов; они только срывают с них шляпы, бьют палками и после истязания одевают им шляпы снова. Патриарх московский прежде жил в Киеве, но когда сей город перешёл к москвитянам, последние получили разрешение перевести его резиденцию в Москву. Патриарх избирается обыкновенно из числа митрополитов и утверждается царём. Он не может быть свергнут, как это случилось с его предшественником, никем, кроме патриархов царьградского и антиохийского, которые нарочно поставили патриарха, бывшего в прошлом году, в царствование Фёдора, и ныне умершего, в зависимость от царя; он был избран только за свою красивую бороду. Патриарх и митрополиты носят всегда священническую рясу, которую никогда не снимают, едут ли в экипаже или даже верхом. Им предшествует с крестом прислужник, который, как и прочие, идёт с обнажённою головою. Какова бы ни была погода, слуги, согласно обычаю, идут впереди господина с обнажёнными головами. Мантии их отличаются от мантий наших епископов только тем, что они отделаны множеством погремушек и бубенчиков. Священники их держат в руках чётки, висящие до земли, и постоянно над ними что-то бормочут. Набожность их выражается, главным образом, в процессиях, которые совершаются со следующими церемониями: всё духовенство в богатых облачениях, большею частью унизанных жемчугом, выходит толпою, в беспорядке, из одной церкви, с тем, чтобы направиться в другую, где назначена служба. Каждый священник держит что-нибудь в руках; одни — книги, другие — кресты, а многие — священнические жезлы. Идущие близ митрополита или патриарха несут огромные изображения Богоматери, украшенные золотом, серебром, драгоценными камнями и жемчужными чётками. Другие несут огромные четырёхугольные кресты, тоже весьма богатые и до того тяжеловесные, что некоторые из них с трудом поднимают четыре священника. Затем следуют те, которые несут евангелия, драгоценнее которых, несомненно, не найти во всей Европе, потому что одно такое евангелие стоит около 25 или 30 тысяч экю. Я видел, между прочим, одно евангелие, которое отделано по заказу царя Петра французским ювелиром. Каждая сторона украшена пятью изумрудами, из коих самый малый стоит более 10000 экю. Вес золотого переплёта простирается до четырёх фунтов, так как эти господа ценят работу лишь тогда, когда она

тяжеловесна. Затем следуют игумены, за ними митрополиты, и позади всех, в некотором расстоянии, идёт патриарх в жемчужной шапке [...].

Его должны поддерживать цари, но так как эти последние во время шествия сами должны быть поддерживаемы, то их заменяют знатные люди, нарочно для того определяемые. Впереди таких процессий около ста человек метут дорогу и посыпают её песком. Это происходит оттого, что до управления Голицына надо было шагать по грязи; он же за отсутствием в этой стране какой бы то ни было мостовой, приказал устроить деревянные мостки, но после его падения только главные улицы поддерживаются в таком виде. Москвитяне ограничиваются лишь тем, что присутствуют при богослужении, которое священники их начинают обыкновенно в полночь, несмотря на то, что оно очень долго продолжается. В церкви они никогда не садятся и молятся Богу только мысленно, так как большинство из них неграмотны и никто, не исключая и священников, не знает греческого языка. Праздников у москвитян очень много; празднуют они их всеобщим трезвоном, начинающимся накануне и кончающимся на следующий день с закатом солнца. Работают они во все дни г. без различия. Москвитяне имеют большую склонность к богомолию. Царь Иван, несмотря на то, что он совершенно парализован, проводит всю свою жизнь в посещении святынь. Между тем для него было бы гораздо выгоднее не показываться так часто в народе, но, напротив, совершенно скрыться в своём дворце, ибо он страшно безобразен и возбуждает только жалость, несмотря на то, что ему только 28 лет, так что на него трудно смотреть. Когда москвитяне куда-либо входят, они начинают класть земные поклоны, многократно креститься и кланяться образам или тому месту, где они должны висеть. Священники их женаты, но не могут спать со своими женами накануне праздников. Что касается епископов и игуменов, то они должны жить в безбрачии. Если римский католик вступает в их религию, они его снова крестят; ежели он женат и жена его не соглашается вместе с ним переменить религию, он может жениться на другой. Москвитяне в течение года соблюдают три поста: первый — как и у нас; второй — за шесть недель до Рождества и третий — за две недели до Успения. В течение этого времени москвитяне готовят все блюда на масле. [...]

Они любят также строить церкви, и всякий боярин, прежде чем выстроить дом, воздвигает часовню и содержит сообразно со своими средствами большее или меньшее количество монахов. В Москве находится 1200 церквей, выстроенных из камня, куполообразной формы, что придаёт им мрачный вид. Все они имеют по пяти башенок с колоколами, на каждой башенке находится четырёхугольный крест, из которых самый малый имеет высоту трёх локтей. Самые великолепные храмы Москвы суть: церковь Богоматери и церковь Архангела Михаила около царского дворца. Купол и башенки покрыты позолочённою медью, а кресты — вызолоченным серебром. Внутренность этих церквей раскрашена под мозаику. Против них находится огромная колокольня, где висит много больших колоколов, — между прочим, один в 20 футов в поперечнике, в 40 футов в высоту и один локоть в толщину. Чтобы придать этому колоколу звучность, пришлось отнять от него, при помощи резца, до 40 000 фунтов. В него звонят только в праздник Крещения, который считается у москвитян самым священным. В этот колокол ударяют также, когда царь спит с царицею, с тем чтобы народ стал молиться за дарование им наследника, ибо дочерей в этой стране ни во что не ставят. Половина московских земель принадлежит монахам, ибо благочестие москвитян заключается в построении монастырей, из коих многие содержат более

100 монахов, живущих в полном изобилии, хотя и совершенном невежестве. Существует также много женских монастырей [...].

Ни одно из вероисповеданий, за исключением католического, которое москвитяне после своего считают самым лучшим, не находит себе в Московии запрещения. [...]

Отрывки из сочинения Де ла Невилля печатаются по кн.:
Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1986.

Перевод с франц. А.И.Браудо